

ДЕРЖАВИН Гавриил Романович [1743-1816] - крупнейший русский поэт XVIII в. По отцу происходит от татарского мурзы Багрима, выселившегося в XV в. из Большой Орды. Родился в Казани, в семье мелкопоместных дворян. Получил скудное образование (сперва у "церковников" - дьячка и пономаря, затем в частной школе немца-каторжника, наконец в Казанской гимназии, к-рую не окончил). С 1762 служил в течение 10 лет солдатом в гвардейском Преображенском полку; первое время жил в казарме со "сдаточными" солдатами из крестьян; наравне с ними выполнял самую черную работу. Вместе с полком участвовал в перевороте, возведшем на престол Екатерину II. Ко времени военной службы относится самый тяжелый период жизни Д. Находясь по смерти отца в крайне стесненном материальном положении, Д. пристрастился к карточной игре, сделался отъявленным шулером, повел распутную жизнь - "повеса, мот, буян, картежник очутился" - совершил ряд уголовных проступков. Исход энергии и честолюбия Д. открыла пугачевщина. Только что произведенный в офицеры Д. по собственному почину принял деятельное участие в усмирении пугачевского бунта в качестве члена секретной следственной комиссии. Деятельность Д. во время пугачевщины во многом загадочна. Сам он ставил себе в особую заслугу, что, имея возможность добиться "всего", чего бы ни захотел, не изменил Екатерине. Несмотря на это, он восстановил против себя высшее начальство: главнокомандующий хотел "повесить Д. вместе с Пугачевым". В дальнейшем Д. служил на гражданской службе, достиг высоких чинов: губернатора, секретаря Екатерины II, сенатора, государственного казначея, наконец министра юстиции. В 1803 году, ввиду резкой оппозиции либеральным тенденциям Александра I (Д. был в частности сторонником дворянской "конституции" - расширения власти и прав Сената - и одним из самых крайних консерваторов в крестьянском вопросе), был "уволен от всех дел" и последние годы жизни прожил на полном покое, частью в Петербурге, частью в своей новгородской деревне, Званке.

Служебная деятельность Д., вышедшего из "низкой доли" и достигшего министерского кресла и "стула сенатора Российской империи", представляет собой непрерывный ряд подъемов и самых резких падений. В результате блестяще начавшейся деятельности его во время пугачевского бунта он был признан "недостойным продолжать военную службу". Губернаторство Д. закончилось отставкой и преданием суду; недолго удержался Д. и в должности секретаря Екатерины II, жаловавшейся, что он "не только грубил при докладах, но и бранился". Павел подвергнул Д. опале "за непристойный ответ", Александр - за то, что "он слишком ревностно служит".

Современники приписывали злоключения Д. его резкому, неуживчивому характеру ("бранится с царями и не может ни с кем ужиться"). Сам Д. считал, что он страдает за свою неуклонную приверженность к "правде" всегда и во всем ("я тем стал бесполезен, что горяч и в правде чорт"). На самом деле в истории служебной деятельности Д. резко сказались особенности того социального слоя бедного служилого дворянства, который в эпоху дворцовых переворотов, пугачевщины, временщиков с исключительной энергией выдвинулся в первые ряды класса, оттесняя родовитую знать, сделавшись главной "подпорой" незаконного екатерининского трона. Вся служебная деятельность Д. направлена по линии борьбы с родовитой знатью, "мишурными царями" - стародворянскими крупнопоместными феодалами - борьбы, в к-рой он опирается на временщиков, "случайных" людей (Потемкина, Зубова) и самое императрицу. Однако временщики для Д. были всего лишь более удачливыми представителями того социального слоя, к которому он сам принадлежал. Императрица всем своим самодержавным могуществом опять-таки была обязана поддержке социально подобного Д. дворянского "множества". Отсюда тот "якобинский" пафос независимости, личного достоинства, который наряду с необходимостью "толкаться в передней" у временщиков, готовностью ревностно служить своим пером императрице и ее "орлам" так свойственен Д.-царедворцу и Д.-поэту.

На свою литературную деятельность сам Д. склонен был смотреть по преимуществу как на орудие в той борьбе, к-рую он вел, из бедности и низов пробиваясь к "почетным чинам", подымаясь к самому подножию трона. По его собственным неоднократным заявлениям, все его стихи за самыми малыми исключениями носят неуклонно-политический характер, все написаны "на случай", проникнуты острой злободневностью. Боясь, что они станут непонятны новому читателю, Д. впоследствии составил особый "ключ", подробный автокомментарий, в к-ром детально объяснил, что именно послужило целью или толчком к написанию той или иной вещи. По поводу одной из наиболее удаленных, казалось бы, от всякой злободневности од Д., знаменитой религиозной оды "Бог", один из осведомленных современников замечал: "Нет строки, нет выражения в шуточных и важных стихотворениях Д., которые бы были им написаны без намерения, без отношения к лицам или обстоятельствам того времени. Екатерина и другие особы, для которых он преимущественно писал, понимали все это и умели ценить". Это замечание приобретает особый вес, если мы обратимся к датам биографии: 15 февраля 1784 года Д.